

Дмитрий УНЖАКОВ

Родился в 1963 году в Нижнем Новгороде. Окончил Горьковский политехнический институт им. А.А. Жданова. Был участником нижегородских литературных объединений «Крылья», «Струна», «Марафон», «Среда». Автор поэтической книги «Над городом живут...» Публиковался в журналах «Урал», «Нижний Новгород», альманахах «Urbi», «Золотой век», в антологии «Городское кольцо» (Н. Новгород: «Книги», 2024).

Живёт в Нижнем Новгороде.

БЕЗДОМНЫЙ ОГОНЬ

* * *

Лежат собаки на снегу,
согнувшись спинами в дугу,
и морды тянут, греются,
как будто солнцем бреются.
И я, как эта свора,
пригрелся у забора –
питаюсь солнцем...
А февраль,
он тот ещё свистун и враль...
Но всё же
толика тепла
меня на миг спасла.

* * *

Это было наяву:
речка сонная дымилась,
звёзды сыпались в траву –
ничего не изменилось.

Был туман белей, чем мел,
медвежонок волновался...
Может, кто и потускнел –
мир сияющим остался.

Может, это и обман,
ерунда, но как-то всё же
лучше, если сквозь туман
медвежонка слышит ёжик.

В покрытом инеем саду
струя – парит, трава – седая;
дрожу от холода и жду,
а всё звезда не выпадает –

как будто бы и вправду путь
осветит,
выпорхнув, жар-птица
и силы даст перемениться
чему-нибудь... когда-нибудь...

Ключик

Я потерялся, словно ключик
от неприметной с виду двери.
Наверно, знает лунный лучик
об этой маленькой потере.

Теперь в друзьях моих картинки
какой-то загородной свалки:
вчерашний мусор, пепелинки
да растревоженные галки.

И бомжик полусумасшедший,
в тряпье копаясь и картоне,
меня нечаянно нашедший,
во сне мучительно застонет.

Ёлка

Жизнь на излёте января –
Уже разряженная ёлка:
Ещё фонарики горят,
Но им мигать совсем недолго.

И словно ты чего-то ждёшь,
Пока коробки не убрали...
А как переливался «дождь»,
А как шары её мерцали!

Исчез торжественный наряд,
И на полу иголки с веток.
Лишь напоследок... напоследок...
Ещё фонарики горят.

Заноза

поёт о чём-то напролёт
наполовину запись стёрта
какого чёрта там поёт
поёт о чём какого чёрта

поёт не видно кто и где
хоть никакого в этом проку
но где-то рядом где-то сбоку
всё плачет кто-то на дуде

и время токая и ноя
под эту грустную дуду
переливается в иное
себя теряя на ходу

Не поверил

Он себе не поверил –
не решился, не смог;
развернулся у двери,
не шагнув за порог.
Прячась под одеялом,
умирал от стыда...
А за дверью упала,
чиркнув спичкой, звезда,
та – заветная – в ворох
рыжих листьев под куст,
и судьба без которой,
как без соли на вкус.

* * *

Нарисованные домики
отодвинуть ночь пытаются...
Проживающие гномики
мандаринами питаются.

И пока они питаются,
время в косы заплетается,
зависает и не движется,
а в окошке кошка лижется.

И пока она там нежится,
мандаринкой месяц режется –
переулкам адресованный,
зреет месяц нарисованный.

И пока он проясняется
под опекой строгой кошкиной,
смерть сама себя стесняется
возле домиков с окошками.

* * *

Дождь прибавляет звук.
В него глядится кошка.
Он в стыках, как бамбук,
и он – тысяченожка.

Чуть наискось идя,
как под откос составы,
ломаются дождя
прозрачные суставы.

А город – как в кольце
сияние алмаза.
Он слушает концерт
грозы – он город-ваза,

где гроздью гром повис,
и децибелов доза
бодрит, когда на бис
молниеносна роза.

Штиль

Вот веточка упала в полный штиль,
поэт её вниманием почтил –
она, как он, – живая, но почти, –
отсечена, но плотью ощущает,
что время ей уже не докучает
назойливостью галок и ворон,
что выпала она из жизни крон
и целый миг пылится и скучает...
Её – ещё зелёные – листья
уже пусты без чувства высоты.

Бездомный огонь

Церковь прячется в облака.
За дождём чуть видны кресты.
И бегущей строкой река,
И слова её так просты.

Оборвётся струной душа.
Будет ветер трепать листья
Старой книги, травой шурша,
И слова её так просты:

Сядет молния на ладонь,
Словно бабочка на цветок,
И бездомный сойдёт огонь,
Чтобы здесь погостить чуток.